

Глава 4. Проблемы формирования ранних государств и политических институтов.

Ранние государства и их аналоги

Гринин Л. Е.

Вводные замечания

Проблемы формирования и эволюции раннего государства остаются в числе тех, вокруг которых продолжают идти дискуссии. А многочисленные исследования все очевиднее демонстрируют, что существовало большое разнообразие как путей движения к государственности, так и самих типов архаических государств. Во многих случаях переход к ней происходил с более высокого уровня сложности, чем предполагают привычные однолинейные схемы. Мало того, выявлены также направления эволюции обществ, которые не вели к государству вовсе.

Все это усложняется тем, что по-прежнему нет единства среди ученых по вопросу, какую политику считать ранним государством, а какую зрелым, и что такое вообще государство; так же, как нет общего мнения, какая численность населения и какой уровень социокультурной сложности отделяют догосударственные общества от раннегосударственных. Большие расхождения существуют и по поводу критериев государственности. Современные исследователи выделяют различное число признаков, которые могут свидетельствовать об отличии государства от предшествующих форм, однако мало кто настаивает на универсальных показателях. В частности, не являются универсальными такие, как строительство крупных монументальных сооружений; появление городов и письменности; численность и плотность населения; наличие классовой эксплуатации; монополия на законное применение силы и другие. Да и само понятие раннего государства не является общепринятым.

В настоящей главе будет показано, что многолинейность и альтернативность социальной эволюции, выражается в том числе в многообразии путей к государству, с одной стороны, и в наличии наряду с ранними государствами их альтернатив и аналогов. Альтернативность процесса формирования государства, однако, связана не только с его собственной сложностью, поскольку альтернативность вообще – это явление, которое сопровождает социальную эволюцию на всем ее протяжении.

В главе предполагается представить материал, который убедительно подтверждает как многообразие путей к государственности, которое может осуществляться с разного уровня сложности.

* * *

Один из важных выводов, который будет представлен в главе, следующий. Хотя и правильно считать государство неизбежным результатом эволюции, однако это утверждение верно только в самом общем плане: как итог длительной

конкуренции разных форм, их гибели, трансформаций, социального отбора, адаптации к разнообразным экологическим условиям и т. п. Другими словами, это верно в целом для истории, как она сложилась. Но для каждого общества в отдельности государство не было неизбежным.

Ведь государство являлось не только совершенно новым решением проблем, вставших перед усложнившимися обществами, но и путем, который означал разрыв со многими прежними отношениями и традициями. А сделать это было достаточно трудно и не всегда возможно. Поэтому-то многие общества и шли «собственной» дорогой, которая, однако, часто вела к иным результатам, например, сверхусложнению родственных отношений и образованию аристократического сословия привилегированных родов и родственных линий (см. главу 8); усложнению горизонтальных (вместо вертикальных иерархических) связей; жесткому закреплению профессиональных, этнических и социальных различий (кастовая система); созданию конфедераций племен или городов без сильной центральной власти и т. д. (см. также главу 2 этой монографии). При этом выбор направления развития всегда связан со многими конкретно-историческими причинами. Поэтому в каждом конкретном случае в зависимости от географических условий, особенностей общества, исторического периода и многого другого переход к государству разными обществами осуществлялся с очень разных уровней развития и сложности.

Общепризнано, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенной численностью населения, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить значительное количество прибавочного продукта. Однако бывает, что социумы существенно переходят указанный уровень сложности и объемов, но не образуют государства. Известно немало таких исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности (их описано будет представлено в главе). Таким образом, во многих случаях раннее государство не возникало.

Признание этого факта ставит очень сложную теоретическую проблему: к какому типу политий относятся общества, которые не стали государством в результате того, что не совпали необходимые условия? Ведь многие из этих политий не застывали на месте, а развивались, но только своим, особым путем. В результате они нередко образовывали особые социально-политические типы обществ, которые, не являясь государствами, в то же время значительно превосходили по сложности и размерам типичные догосударственные образования, такие, как простые вождества, независимые общины и кланы. К тому же эти сложные общества часто решали сходные с государством задачи и были вполне сравнимы с ранними государствами в размерах и уровне структурной сложности. К какому же типу политий они должны относиться? Ведь в сравнении с бесспорно догосударственными социумами (такими как, например, простые вождества, см. главу 3) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами. И поскольку

и в тех и в других обществах решались аналогичные проблемы и задачи, указанные сложные негосударственные общества объединены мной понятием аналогии раннего государства. Настоящая глава будет посвящена анализу таких аналогов и их сравнению с ранними государствами (см. также главу 5).

Первая часть главы будет посвящена выявлению и описанию различных типов аналогов ранних государств. Будет дана классификация таких аналогов и описание каждого типа (например, некоторые самоуправляющиеся общины и территории; некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя; большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала; очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, «кочевые империи», внешне напоминавшие большие государства; многие сложные вожества и др.); а также подтипы в рамках этих типов аналогов.

Вторая часть главы будет посвящена скрупулезному типологическому сравнению аналогов ранних государств с ранними государствами. В какой-то мере это будет едва ли не первое в политической антропологии масштабное кросс-культурное исследование раннеполитических систем. Автор главы планирует показать, что различия между ранними государствами и их аналогами заключаются не в размерах, уровне сложности организации и решаемых задач, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом. Поэтому для различения раннего государства и его аналогов требуются специальные критерии (те, что отличают ранние государства и их аналоги от стадийно догосударственных обществ): 1) особые свойства верховной власти; 2) новые принципы управления; 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; 4) редистрибуция власти. Будут сформулированы и эволюционные условия появления ранних государств: а) объективные, которые дают потенциальную возможность политиям трансформироваться в государство; б) особые, то есть конкретно-исторические; в) экстремальные ситуации, служащие триггером (толчком, импульсом). Если же в обществе имеются все объективные условия для формирования раннего государства, но не хватает конкретно-исторических(и/или не возникло экстремальных), то, возникают различные типы аналогов ранних государств.

В главе 7 указанные в главе 4 характеристики раннего государства и его отличия от аналога будут продемонстрированы на примере трансформации сложных гавайских вожеств в государство.

Можно согласиться с Н. В. Разуваевым (2005), что исходную точку возникновения многих фундаментальных различий в дальнейшем историческом пути обществ надо, действительно, искать в достаточно древних эпохах. В то же время важно избежать своего рода ретроспективной эсхатологии, неправомерно акцентируя внимание только на каком-то одном исходном пункте развития, полагая, что именно и только с этого момента четко наметились и начали неуклонно реализовываться важнейшие для всемирно-исторического процесса особенности. В эволюции человечества в целом и каждого общества в частности постоян-

но появлялись новые точки эволюционных развилок и бифуркаций, в которых почковались новые модели и пути. Поэтому для каждого уровня сложности какой-либо эволюционной линии развития можно найти альтернативные ей эволюционные модели и варианты развития (см., например: Коротаев и др. 2000: 35; Bondarenko *et al.* 2002: 54). Таким образом, исторический процесс – это не жестко запрограммированное развитие, а движение в рамках постоянного выбора альтернатив и моделей. Причем эти модели далеко не всегда находятся в оппозиции, а часто интегрируются, переходят друг в друга и активно заимствуют достижения.

В настоящей статье рассматривается одна из таких интересных и малоисследованных альтернатив социально-политической эволюции поздне- и постпервобытных обществ, которые могли развиваться не только в направлении к раннему государству, но и по пути создания сложных негосударственных форм.

В данной статье везде под **ранним государством** понимается **особая форма политической организации** достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и перераспределять ресурсы; в) построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства¹.

Постановка проблемы

Достаточно общепризнанно, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенными размерами, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить достаточное количество прибавочного продукта (см., например: Claessen 1978). Однако бывает, что социумы существенно переходят необходимый уровень таких показателей, но не образуют государства. Также известно немало исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам, социокультурной и/или политической сложности (см., напри-

¹ Следовательно, важно подчеркнуть, что в данной работе везде раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как *особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая, но не всегда, а лишь при определенных условиях в обществе, которое достигло необходимого уровня развития*. Есть необходимость также привести наше общее (родовое) определение государства. Государство – это система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

мер: Bondarenko, Korotayev 2000; Крадин и др. 2000; Grinin *et al.* 2004; Гринин и др. 2006; подробнее литературу см.: Grinin 2004). Как же классифицировать такие общества?

В ряде наших работ мы доказывали, что их следует рассматривать как *аналоги раннего государства* (см. подробнее: Grinin 2003; Гринин 1997; 2001–2006). Ведь, с одной стороны, по сравнению с бесспорно догосударственными политическими, такими, как, например, коллективы во главе с бигменами, простые вождества, небольшие племена и другими, они не только более крупные, но и гораздо более сложные. А с другой стороны, они имели сравнимые с ранними государствами размеры и уровень сложности, а также решали сравнимые по масштабам задачи. Потому в определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами. Несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в тех и в других обществах реализовывались аналогичные функции². Таким образом, структурно-функционально ранние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления, а исторически – тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые – не имели их (подробнее см.: Гринин 2001–2006; Grinin 2004). Ниже приводятся примеры таких аналогов.

Аналоги раннего государства: размеры и некоторые характеристики

Прежде всего нужно сказать о размерах аналогов раннего государства. Этот вопрос очень важен, поскольку есть прямая зависимость: чем больше население политии, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, в связи с тем, что новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, равно как и наоборот (см., например: Carneiro 1967; Feinman 1998; Джонсон 1986). И раз аналоги сравниваются с ранним государством, необходимо понять, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет. Мало того, здесь гораздо меньше согласия, чем можно было бы этого ожидать (см. подробнее: Feinman 1998: 97–99).

Иногда выстраивают такую шкалу: простое вождество – население тысячи человек; сложное вождество – десятки тысяч человек; государство – сотни тысяч и миллионы человек. При этом получается внешне стройная и безупречная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаиче-

² Имеются в виду, например, следующие функции: создание политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач; обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии; обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач; и др.

ское государство, национальное государство (Johnson, Earle 2000: 245–246, 304; Васильев 1983: 45).

Для построения схемы эволюции развития человечества в целом такая линия может быть принята (и то с оговорками). Но для исследования политогенеза и раннего государства в частности она не годится. Ведь в ней полностью проигнорированы государства размерами от нескольких тысяч до 100 тысяч, которые есть даже и сегодня, и которых в древности и средневековье было гораздо больше.

В то же время высказывается также мнения, если и не бесспорные, то заслуживающее внимания, что первые государства (имеется в виду первичные, по определению М. Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин (см., например: Дьяконов 1989). Также представляется оправданной точка зрения Х. Й. М. Классена, который считает, что в отдельных случаях государство может возникнуть уже в политике с населением от пяти тысяч человек и выше (Claessen 2002: 107). Но это, конечно, самый нижний уровень для образования государства, обычно требуется большее население. Следовательно, ранние государства размером от нескольких тысяч до 100–200 тыс. чел. имеют особый интерес для исследователей генезиса государства.

Приведем данные о численности жителей некоторых малых ранних государств, в частности о предполагаемом населении городов-государств Двуречья в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н. э. могло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н. э. приближалось к 100 тыс. чел. (Дьяконов 1983: 167, 174, 203). Можно привести и другие примеры. Размер **типичного** города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. человек (Гуляев 1986: 84). Население даже самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек. Население большинства других городов-государств не превышало 50–60 тыс. чел. (см.: Баткин 1970: 208, 252, 261; Бернадская 1970: 329; Рутенбург 1987: 74, 112).

Наряду с такими небольшими государствами, конечно, были средние и крупные с населением во многие миллионы. Поэтому различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

малое раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;

среднее раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;

крупное раннее государство – от нескольких сот тысяч до 2–3 миллионов;

очень крупное раннее государство – свыше 3 миллионов человек. Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

**аналоги *малого* раннего государства;
аналоги *среднего* раннего государства;
аналоги *крупного* раннего государства.**

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга по сложности устройства. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице 1.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников, вроде хунну. Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, мы думаем, просто не могло быть.

Таблица. Типы ранних государств и аналогов ранних государств

Размер политии	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч чел.	Малое раннее государство (Ур в XXVIII–XXVII в. до н. э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI веке)
От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч чел.	Среднее малое государство (Гавайи XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От нескольких сотен тысяч до 3 млн чел.	Крупное раннее государство (раннее государство в Польше в XI–XIV вв.)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 г. до н. э. – 48 г. н. э.)
Свыше 3 млн чел.	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н. э.; империя Инков)	Стабильных аналогов очень крупного раннего государства не существует

Аналоги раннего государства: классификация

Без сомнения, все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях – слабость централизации власти и т. п. Поэтому мы старались классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории.

А) Городские, полисные и храмовые. Примерами таких самоуправляющихся общин являются города этрусков; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии (см. о последних: Коротаев 1997: 136–137; см. также подробнее об

одной из таких храмово-гражданских общин древней Южной Аравии, Райбуне: Frantsuzoff 2000).

Б) Достаточно крупные самоуправляющиеся переселенческие территории (вроде Исландии X–XIII вв.).

В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов, а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек, хотя данные тут разнятся. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия. Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и, в конце концов, они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества. Усилению неравенства и изменению структуры общества в обществе способствовало и введение в самом конце XI века церковной десятины. Исландия также дает интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объема и сложности общества постепенно все же переводит развитие аналогов к государственному пути.

В XII в. необычайно ожесточились кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми. В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причинами междоусобиц среди хавдингов все чаще были жажда добычи и власти. Таким образом, необходимый для становления государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствующий, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности (об Исландии см.: Гуревич 1972: 8, 9; Ольгейрссон 1957; Филатов 1965; Хьяульмарссон 2003).

В) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную военную силу, например, донские и запорожские казаки.

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т. п.).

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро.

Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения; союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгике и Аквитании (см., например: Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Шкунаев 1989: 140).

Б) Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн, вроде гуннского союза Аттилы V в. н. э., аварского каганата хана Баяна второй поло-

вины VI в. н. э., но непрочные и этнически разнородные. Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих. Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей, в том числе из-за своеволия аристократии. Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары, и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» (см. о гуннах и готах: Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116; Буданова 1990: 133–136; Тиханова 1958; Zin'kovskaya 2004).

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в пунктах А и Б могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни. В I в. до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие (см. об этих союзах: Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996: 225–247).

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения.

Например, доинкское вожжество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере. Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-*liberi*) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами, что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили высту-

пают единственными носителями правовых норм (см. о саксах: Колесницкий 1963; Неусыхин 1968: 608).

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн. человек с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. В Галлии в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек. Размеры некоторых городов достигали 100 и более га, и они были укреплены мощными стенами.

Социальное расслоение было велико. По свидетельству Цезаря (Галльская война VI, 13), простой народ жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатным. В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько тысяч клиентов, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов. В аристократических без королевской власти галльских полициях имелось вполне четкое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов. Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она всячески старалась ослабить и даже свести к нулю политическую централизацию к нулю, т.к. боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые под давлением свевов стремились в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляла от 250 тыс. до 400 тыс. (см. о галлах: Бродель 1995: 61–62; Шкунаев 1989; Филипп 1961: 116–129; Clark, Piggott 1970: 310–328; Леру 2000).

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен, вроде ирокезов, туарегов, печенегов (об ирокезах см.: Фентон 1978; Vorobyov 2000; о туарегах см.: Першиц 1968; о печенегах см.: Marey 2000).

Правда, тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере, у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе (Хазанов 2002: 48).

В) Конфедерации городов, подобные этрусским конфедерациям. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати, скорее всего не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства. А их федерация представляла собой аналог уже среднего государства. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопонесского союзов. Этрусские же города, хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом». И даже при римской угрозе этот союз не стал

военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурией независимости³.

В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов – Ганза в XIII–XVI вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов и был способен выигрывать войны у Дании.

Д) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев⁴. При этом низовые члены такого союза могут быть как в форме вожеств, так и безвожеских самоуправляемых общин, либо в иных формах.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан (см.: Агларов 1988). Общины (джамааты), входившие в федерацию (т. н. «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов, то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления. А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах. Другим примером служат группы деревень (*village groups*) в юго-восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок (см.: McIntosh 1999: 9).

Указанные в пункте «Д» общества являются, по классификации Крамли, типичными гетерархиями (см., например: Crumley 1995). Она развивает в своих работах мысль о том, что помимо иерархически устроенных обществ можно говорить и о гетерархических, то есть таких, в которых решения принимаются иным способом: консенсусом, либо делегированием полномочий, либо сложными согласительными процедурами, либо организацией по определенным интересам и т. п., а структурные единицы обществ находятся между собой не в строгом подчинении, а в состоянии сотрудничества, союза и т. п., на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т. п. «Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества такие, как сообщества качинов в Мьянме (Бирме) и многие африканские общества (Claessen 2002: 109).

В-четвертых, это очень крупные и сильные в военном отношении объединения некоторых кочевников, внешне напоминавшие большие государства, которые Н. Н. Крадин называет «кочевыми империями» и определяет как суперсложные вождества. Они, по его мнению, имели население до 1–1,5 млн чел. Их

³ Об Этрурии см.: Неронова 1989; Залесский 1959.

⁴ У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: Мартина 1995: 81–82; см. также: Korotayev 1995).

можно считать аналогами раннего государства. К таким относится, например, «империя» хунну, образованная под властью правителя (шаньюя) Моде в конце III до н. э. (см.: Крадин 2001а: 79; 2001б: 127).

Нам также думается, что аналогом раннего государства можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Это было крупное, иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы. Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное догосударственное общество она никак не походит. В конце V – первой половине IV в. до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству. Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай⁵.

В-пятых, в связи с вышесказанным, становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам. И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто, как Роберт Карнейро, считает такие вождества догосударственными обществами в стадильном смысле. По его мнению, самые развитые вождества, это политии, которые столь велики (так как включают в себя до ста поселений) и сложны, что заслуживают называться государством (Carneiro 1981; Карнейро 2000: 90). Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Можно упомянуть еще вождества на Гаити в конце XV–XVI вв. Гаити в это время был, вероятно, наиболее густо заселенным островом среди других Больших Антильских островов и состоял из нескольких крупных вождеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (касиков) испанцы выделяли несколько наиболее крупных, верховных. По некоторым сообщениям каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 и даже больше младших вождей (Александренков 1976: 143–151). Но в качестве наиболее показательного примера крупных вождеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контакта с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских вождеств и, по мнению Т. Ёрла, возможно, даже из всех когда-либо известных вождеств⁶.

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации, очень высокого уровня стратификации и аккумуляции

⁵ О Скифии см.: Хазанов А. 1975; 2002; см. также: Мелюкова, Смирнов 1966: 220.

⁶ См. о Гавайях: Earle 1997; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972/1958; Bellwood 1987: 97–109; Service 1975: 152–158; Ерл 2002; Тумаркин 1964; 1971.

прибавочного продукта элитой, основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вожеств, границы которых определялись отдельными островами. Войны были обычным явлением. Число жителей отдельных вожеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек. Вождества делились на районы от 4 до 25 тыс. человек. Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, а также и другое. Однако государства не было.

Тем не менее, некоторые ученые (например, С. Л. Ситон и М. А. ван Бакел⁷) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления там Кука. Но такие утверждения основаны скорее на предположениях, поскольку нет ни археологических данных, ни письменных источников, которые позволили бы бесспорно решить, были ли эти политии (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или высшими вождествами. Таким образом, многое зависит от того, что считать государством. Исходя из данного выше определения государства, мы считаем правильным присоединиться к более распространенному мнению (разделяемому, например, Т. К. Ёрлом; А. У. Джонсоном, М. Харрисом, М. Д. Салинзом, Э. Сервисом и т. д.), что в тот момент на Гавайях не было государства. С точки зрения нашей теории, аргументировать это можно тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты (Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99).

Согласно нашему определению (см. выше), государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Гавайские же вождества, хотя и имели отделенную от населения организацию власти, и в этом плане приближались к государству, но эта организация не представляла собой систему **специальных** и тем более специализированных институтов, органов и правил. Слово **специальные** предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управленческую направленность. *На Гавайях же, хотя система органов власти и в известной мере управления существовала, но она не была специализированной. Она существовала как система обеспечения сословно-кастового господства опреде-*

⁷ См.: Seaton 1978; van Bakel 1996.

ленных линиджей и кланов вождей разных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. Причем, на наш и ряда исследователей взгляд, в этом симбиозе идеологический момент был самым важным, дающим прочную легитимность власти высшего сословия – *алии, то есть благородных* (см., например: Service 1975: 158). По этой причине, вероятно, не появился и специальный судебный орган. Даже дружины вождей были инструментом внешней политики (также как во многих образованиях кочевников), но не эксплуатации общества, как это было, скажем в Древней Руси. Власть вождей и возможность изъятия прибавочного продукта держалась на их идеологической силе и традициях. И в еще меньшей степени, чем институты, специальными государственными можно считать правила в виде различных *табу*, с помощью которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, а наиболее важные *табу* обеспечивали власть высшего сословия *алии* в целом. Еще один важный момент, по которому гавайские политики не подходили под наше определение государства – *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти*. Поскольку вековые традиции, обычаи и вера в особые сакральные качества вождей были важнейшей опорой власти в гавайских вождествах, постольку возможности существенно менять (то есть коренным образом, в виде реформ, политических решений и т.п.) традиционные отношения на Гавайях почти отсутствовали. Менялись персональные вожди и границы вождеств, табу накладывались на что-то или снимались, колебались в определенных рамках нормы повинностей. Но все институты и нормы оставались в основном прежними.

Однако к выше сделанному анализу надо добавить одно очень важное пояснение. Дело в том, что наше определение государства в полной мере может относиться только к уже более или менее сложившимся государствам. И естественно, что когда общество только трансформируется в государство, когда государство является еще «зачаточным» (в терминологии Классена и Скальника), специализация его политических и административных органов является весьма слабой. Поэтому в нашем определении раннего государства это требование «ослаблено». В этой связи, думается, более точным будет рассмотреть Гавайи в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства.

Если обратиться к вышеприведенному определению раннего государства, то гавайские политики не соответствуют пункту «в)», согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (хотя бы в значительной части) не на принципе родства*. А как мы видели выше, именно система родства и генеалогической близости к верховному вождю, а также эндогамная закрытость высшего слоя являлись главными звеньями в организации власти на Гавайях. Словосочетание же в «значительной части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере, среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже

ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политике перейти к собственно государственным методам управления⁸.

Мы сформулировали четыре главных отличия раннего государства от его аналогов: *особые свойства верховной власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни; редистрибуция власти* (то есть перераспределение власти в пользу центра в рамках общества)⁹. Гавайи им в основном не отвечали. Верховная власть там не была способна изменить главные социально-политические и идеологические отношения, принципы управления оставались традиционными – родственными и кастовыми; новые формы регулирования жизни отсутствовали; перераспределение власти было в основном только внешним, то есть в виде борьбы вождей за власть. В рамках же собственно вожества баланс власти оставался прежним.

Это можно представить более подробно и наглядно в сравнении с теми крутыми изменениями, которые произошли в период формирования уже собственно гавайского государства в начале XIX в. Если суммировать, то в целом гавайским политиям мешало стать государством: а) слишком сильное социальное деление по признаку родства, а также старшинства линий внутри одного рода и соответственно слишком большая роль положения индивида в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в системе управления. С объединением Гавайских островов Камехамахой I (другая транскрипция его имени – *Камеамеа*) в конце XVIII– начале XIX вв. и уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой; б) слишком сильная роль традиций и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием же единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной и духовной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе; в) слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на строгой идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий, всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить М. Салинзу, наткнулись на их сопротивление и часто кончались восстаниями (Салинз 1999)¹⁰. Быстрые изменения в течение двух десятилетий после образо-

⁸ О новых чертах системы управления и новых принципах формирования слоя управленцев в ранних государствах см. подробнее: Гринин 2001–2006 (3/2002: 40–46); Grinin 2004.

⁹ См. подробнее: Гринин Л. Е. 2001–2006; Grinin 2004.

¹⁰ Причем такие восстания, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди. В этом плане перераспределение власти в пользу центра, формирование единого высшего правящего рода и уничтожение вождеской знати, подрывало возможности такой оппозиции. Соответственно, в отличие от верховного вождя гавайский король стал менее зависеть от своих приверженцев.

вания раннего гавайского государства в плане реформ (например, создания регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации (в частности в заготовках сандалового дерева), а также в отношении изменения религиозных обычаев и порядков¹¹ показывают наглядно, чем отличается раннее государство от аналогов.

В то же время величина и развитость гавайских вожеств и тем более вожества непосредственно на самом о. Гавайи в период до контакта с европейцами дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вожества гавайского архипелага составляло сто тысяч человек, что в **сто** раз превосходило численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на тробрианских островах. По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества. Такова разница между принципиально догосударственной политией и аналоговой раннему государству! Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вожества можно считать аналогами малых и средних ранних государств.

Выводы

Можно согласиться с мнением Г. Поссела, что «древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции» (Possehl 1998: 291). Тем не менее, как мы видим, не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох демонстрируют разнообразие социополитических форм и альтернативные варианты процессу формирования государства.

Фактически переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности; поскольку общество, достигая объемов и сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, могло продолжать развиваться, но при этом долго (или вовсе) не создавать раннегосударственную политическую форму. Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству на любом уровне сложности и развитости раннего государства.

В целом наш вывод заключается в том, что **раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных постпервобытных обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора**. Но, конечно, очень важно не упускать из вида, что именно государство

¹¹ О последнем см., например, Service 1975: 156–158. Сервис и другие исследователи даже говорят о «гавайской культурной революции» (*Ibid.*).

оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов, либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

Библиография

- Агларов М. А. 1988.** *Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.
- Александренков Э. Г. 1976.** *Индейцы Антильских островов.* М.
- Баткин Л. М. 1970.** Период городских коммун. *История Италии* / Ред. С. Д. Сказкин. М.
- Бернадская Е. В. 1970.** Политический строй итальянских государств. Синьории и принципы. *История Италии* / Ред. С. Д. Сказкин. М.
- Бессмертный Ю. Л. 1972.** Возникновение Франции. *История Франции* / Отв. ред. А. З. Манфред. Т. 1. М.
- Бродель Ф. 1995.** *Что такое Франция?* Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М.
- Буданова В. П. 1990.** *Готы в эпоху Великого переселения народов.* М.
- Васильев Л. С. 1983.** *Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации).* М.
- Гринин Л. Е. 1997.** Формации и цивилизации. *Философия и общество* 5.
- Гринин Л. Е. 2001–2006.** Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства (работа печаталась в ряде номеров журнала «Философия и общество» с 2001 по 2006 г.).
- Гринин Л. Е. 2009.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2010.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 2-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ.
- Гринин Л. Е. 2011.** *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства.* 2-е изд. М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2012.** Ранние государства и их аналоги в политогенезе: типологии и сопоставительный анализ. *Ранние формы политических систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 9–98. СПб.: МАЭ РАН.
- Гринин Л. Е. 2016а.** *Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е. 2016б.** *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса.* 3-е изд. М.: URSS.
- Гринин Л. Е., Бондаренко Д. М., Крадин Н. Н., Коротаев А. В. (Ред.). 2006.** *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** Вождества и их аналоги: к типологии среднесложных обществ. *Политическая антропология традиционных и современных обществ:*

- материалы международной конференции* / Отв. ред. Н. Н. Крадин, с. 92–123. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та.
- Гринин Л. Е., Коротаяев А. В. 2013.** Эпоха первичного политогенеза. *Ранние формы потестарных систем* / Отв. ред. и сост. В. А. Попов, с. 31–64. СПб.: МАЭ РАН.
- Гуляев В. И. 1986.** Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. *Древние цивилизации Востока*. Ташкент.
- Гуревич А. Я. 1972.** *История и сага*. М.
- Джонсон Г. А. 1986.** Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. *Древние цивилизации Востока* / Ред. В. М. Масон. Ташкент.
- Дьяконов И. М. 1983.** История древнего Востока. *Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации* / под ред. И. М. Дьяконова. Т. 1. Месопотамия. М.
- Дьяконов И. М. 1989.** Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. *История Востока* / под ред. И. М. Дьяконова. Т. 1.
- Ерл Т. К. 2002.** Гавайские острова (800–1824 гг.). *Цивилизационные модели политогенеза* / Отв. ред. Д. М. Бондаренко, А. В. Коротаяев, с. 77–88. М.
- Залесский Н. Н. 1959.** *Этруски в Северной Италии*. Л.
- Колесницкий Н. Ф. 1963.** Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.). *Средние века* 23.
- Коротаяев А. В. 1997.** *Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации*. М.
- Коротаяев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. 2000.** Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). *Альтернативные пути к цивилизации* / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Д. М. Бондаренко, с. 24–83. М.: Логос.
- Корсунский А. Р., Гюнтер Р. 1984.** *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.)*. М.
- Карнейро Р. Л. 2000.** Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. Альтернативные пути к цивилизации / Ред. Н. Н. Крадин, А. В. Коротаяев, Д. М. Бондаренко, В. А. Лынша. М.
- Крадин Н. Н. 2001а.** *Империя хунну*. Владивосток.
- Крадин Н. Н. 2001б.** Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2.
- Крадин Н. Н., Коротаяев А. В., Бондаренко Д. М., Лынша В. А. (ред.). 2000.** *Альтернативные пути к цивилизации*. М.
- Ле Гофф Ж. 1992.** *Цивилизация средневекового Запада*. М.
- Леру Ф. 2000.** *Друиды*. СПб.
- Маретина С. А. 1995.** К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности* / Отв. ред. В. А. Попов. М.
- Мелюкова А. И., Смирнов А. П. 1966.** Киммерийцы, скифы, сарматы. *История СССР с древнейших времен до наших дней* / Гл. ред. Б. Н. Пономарев. Т. 1. *Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь*. М.

- Неронова В. Д. 1989.** Этрусские города-государства в Италии. *История древнего мира.* Т. 1. *Ранняя древность* / Ред. И. М. Дьяконов, В. Д. Неронова, И. С. Свенцицкая, с. 369–381. М.
- Неусыхин А. И. 1968.** Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). *Проблемы истории докапиталистических обществ* / Отв. ред. М. В. Данилова, с. 596–617. М.
- Ольгейрссон Э. 1957.** *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии.* М.
- Першиц А. И. 1968.** Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. *Разложение родо-вострого строя и формирование классового общества* / Отв. ред. А. И. Першиц. М.
- Разуваев Н. В. 2005.** Два пути развития права и государства. *Личность. Культура. Общество* 4: 271–280.
- Рутенбург В. И. 1987.** *Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения.* М.
- Тиханова М. А. 1958.** Готы в Причерноморских степях. *Очерки истории СССР III–IX вв.* / Ред. Н. М. Дружинин. М.
- Тумаркин Д. Д. 1964.** *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны».* М.
- Тумаркин Д. Д. 1971.** *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865.* М.
- Фентон У. Н. 1978.** Ирокезы в истории. *Североамериканские индейцы* / Ред. Ю. П. Аверкиева, с. 109–156. М.
- Филатов И. 1965.** Исландия. *Советская историческая энциклопедия.* Т. 6, с. 341–348. М.
- Филипп Я. 1961.** *Кельтская цивилизация и ее наследие.* Прага.
- Хазанов А. М. 1975.** Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. *Первобытное общество. Основные проблемы развития* / Ред. А. И. Першиц, с. 196–199. М.
- Хазанов А. М. 2002.** Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // *Кочевая альтернатива социальной эволюции* / Гл. ред. И. В. Следзевский, с. 37–58. М.: ЦЦИ РАН.
- Хьяульмарссон Й. Р. 2003.** *История Исландии.* М.
- Шкунаев С. В. 1989.** *Община и общество западных кельтов.* М.
- Bakel M. A. van 1996.** Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. G. Oosten, pp. 329–345. Leiden.
- Bellwood P. 1987.** *The Polynesians. Prehistory of an Island People.* London.
- Bondarenko D. M., Grinin L. E., Korotayev A. V. 2002.** Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1(1): 54–79.
- Bondarenko D. M., Korotayev A. V. (eds.). 2000.** *Civilizational Models of Politogenesis.* Moscow.
- Carneiro R. L. 1967.** On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23.

- Carneiro R. L. 1981.** The Chieftdom: Precursor of the State. *The Transition to Statehood in the New World* / Ed. by G. D. Jones, R. R. Kautz, pp. 37–79. Cambridge.
- Carneiro R. L. 2012.** The Circumscription Theory: A Clarification, Amplification, and Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 5–30.
- Carneiro R. L. 2017.** Chieftdoms in Evolutionary Perspective. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Chabal P., Feinman G. M., Skalnik P. V. 2017.** Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 1978.** The Early State: A Structural Approach. *The Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik. The Hague.
- Claessen H. J. M. 2002.** Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1(1).
- Claessen H. J. M. 2010.** On Early States – Structure, Development, and Fall. *Social Evolution & History* 9(1).
- Claessen H. J. M. 2012.** Reconsideration of a Reformulation. *Social Evolution & History* 11(2): 36–43.
- Claessen H. J. M. 2016.** The Emergence of Pristine States. *Social Evolution & History* 15(1): 3–57.
- Claessen H. J. M. 2017.** On Chiefs and Chieftdoms. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Claessen H. J. M. 2018.** Sacred Kingship: Cases from Polynesia. *Social Evolution & History* 17(2): 3–26.
- Claessen H. J. M., Hagesteijn R. R., van de Velde P. 2008.** The Early State Today. *Social Evolution & History* 7(1): 245–265.
- Clark G., Piggott S. 1970.** *Prehistoric Societies*. Harmondsworth.
- Crumley C. L. 1995.** Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Ed. by R. M. Ehrenreih, C. L. Crumley, J. E. Levy, pp. 1–15. Washington.
- Earle T. K. 1997.** *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford.
- Earle T. K. 2017.** Chiefs, Chieftaincies, Chieftdoms, and Chiefly Confederacies: Power in the Evolution of Political Systems. *Chieftdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Feinman G. M. 1998.** Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe.
- Feinman G. M. 2012.** Circumscription Theory and Political Change: From Determinism to Mechanisms. *Social Evolution & History* 11(2): 44–47.
- Frantsuzoff S. A. 2000.** The Society of Raybūn. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by D. M. Bondarenko, L. E. Grinin, A. V. Korotayev, pp. 258–265. Moscow.
- Gibson D. B. 2011.** Chieftdom Confederacies and State Origins. *Social Evolution & History* 10(1): 215–233.

- Gibson D. B. 2012.** *From Chiefdom to State in Early Ireland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gibson D. B. 2017.** Chiefdom Confederacies and State Origins. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E. 2003.** The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 3(1).
- Grinin L. E. 2004.** The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin L. E. *et al.*, *The Early State, Its Alternatives and Analogues*, pp. 88–136. Volgograd.
- Grinin L. 2008.** Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence. *Social Evolution & History* 7(1): 67–81.
- Grinin L. E. 2009.** The Pathways of Politogenesis and Models of the Early State Formation. *Social Evolution* 8(1): 92–132.
- Grinin L. 2011.** *The Evolution of Statehood. From Early State to Global Society*. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.
- Grinin L. 2012.** *Macrohistory and Globalization*. Volgograd: Uchitel.
- Grinin L. 2015.** On the Models of the Early State Formation. *Conference Proceedings of the International Symposium on the Theories and Methods for the Studies of the Origin of States*. Shanghai, China, November 14–15, 2015, pp. 38–76. Shanghai: Research Centre on Ancient Civilizations.
- Grinin L. E. 2017.** Complex Chiefdom: Precursor of the State or Its Analogue? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Carneiro R. L., Bondarenko D. M., Kradin N. N., Korotayev A. V. (eds.). 2004.** *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd.
- Grinin L., Korotayev A. 2012.** Emergence of Chiefdoms and States: A Spectrum of Opinions. *Social Evolution & History* 11(2): 191–204.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017a.** Introduction. Chiefdoms from the Beginnings Until Now. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017b.** Chiefdoms and Their Analogues: Alternatives of Social Evolution at the Societal Level of Medium Cultural Complexity. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2017c.** Conclusion. Chiefdoms: Beyond Time? *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Jianping Yi 2012.** Circumscription Theory and the Political Evolution in Prehistoric China. *Social Evolution & History* 11(2): 120–130.
- Johnson A. W., Earle T. K. 2000.** *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. Stanford.
- Hagesteijn R. R. 2008.** Early States and ‘Fragile States’: Opportunities for Conceptual Synergy. *Social Evolution & History* 7(1): 82–106.
- He Nu 2018.** Archaeological Indicators for Chinese Early States: A Case Study of Taosi in Shanxi. *Social Evolution & History* 17(2): 205–234.

- Korotayev A. V. 1995.** Mountains and Democracy: An Introduction. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin, V. A. Lynsha, pp. 60–74. Vladivostok.
- Kradin N. N. 2017.** Heterarchy and Hierarchy Among the Ancient Mongolian Nomads. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Kradin N. N. 2019.** Social Complexity, Inner Asia, and Pastoral Nomadism. *Social Evolution & History* 18(2): 3–34.
- Kurtz D. V. 2012.** State Origins: Clarifications and Reformulations. *Social Evolution & History* 11(2): 67–69.
- Lozny L. 2012.** How Social Complexity Happens: Causal-History Explanation. *Social Evolution & History* 11(2): 70–73.
- Lozny L. R. 2017.** The Emergence of Multi-Agent Polities of the Northern Central European Plains in the Early Middle Ages, 600–900 A. D. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Marcus J. 2012.** The Formation of Political Hierarchies and the Loss of Autonomy. *Social Evolution & History* 11(2): 74–78.
- Marey A. V. 2000.** The Socio-Political Structure of the Pechenegs. *Alternatives of Social Evolution* / Ed. by N. N. Kradin *et al.*, pp. 289–293. Vladivostok.
- McIntosh S. K. 1999.** Pathways to Complexity: an African Perspective. *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa* / Ed. by S. K. McIntosh. Cambridge.
- Oosten J. 1996.** Ideology and the Development of European Kingdoms. *Ideology and the Formation of Early States* / Ed. by H. J. M. Claessen, J. Oosten (eds.), pp. 225–247. Leiden.
- Possehl G. L. 1998.** Sociocultural Complexity Without the State: The Indus Civilization. *Archaic States* / Ed. by G. M. Feinman, J. Marcus. Santa Fe.
- Rogers J. D. 2019.** The Complexity of Nomadic Empires. *Social Evolution & History* 18(2): 148–165.
- Sahlins M. D. 1972/1958.** *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; London.
- Schaedel R. P. 1995.** The Temporal Variants of Proto-state Societies. *Alternative Pathways to Early State* / Ed. by N. N. Kradin *et al.* Vladivostok.
- Seaton S. L. 1978.** The Early State in Hawaii. *Early State* / Ed. by H. J. M. Claessen, P. Skalnik, pp. 269–287. The Hague.
- Service E. R. 1975.** Origins of the State and Civilization. *The Process of Cultural Evolution*, pp. 152–158. New York.
- Shen Changyun 2019.** ‘Bang’ as the Community Administrative Organization in the Chinese Early States. *Social Evolution & History* 18(1): 180–194.
- Skalnik P. 2017.** Chiefdom at War with Chiefless People While the State Looks On. *Chiefdoms: Yesterday and Today* / Ed. by R. L. Carneiro, L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Clinton Corners, New York: EWP, Eliot Werner Publications, Inc.
- Skarzynski R., Wajzer M., Staniucha T. 2016.** Mind and Vision: Social Evolution and the Origins of the Political. *Social Evolution & History* 15(1): 126–163.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. 2019.** The Idea of Space among the Nomads of Great Steppe. *Social Evolution & History* 18(2): 35–54.

- Stocker T., Jianyi Xi'ao. 2019.** Early State Formation: A Complete Rejection of the Circumscription Theory. *Social Evolution & History* 18(2): 166–190.
- Tishin V. V. 2019.** A Study of the Ancient Turks Family. *Social Evolution & History* 18(2): 115–132.
- Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. 2019.** Social Complexity of the Pazyrik Culture in Altai, 550–200 BC. *Social Evolution & History* 18(2): 73–91.
- Vasyutin S. A. 2019.** Political Complexity in Nomadic Empires of Inner Asia. *Social Evolution & History* 18(2): 92–114.
- Vorobyov D. V. 2000.** The Iroquois (15th–18th centuries A. D.). *Civilizational Models of Politogenesis* / Ed. by D. M. Bondarenko, A. V. Korotaev, pp. 157–174. Moscow.
- Wang Xianhua 2019.** State and Empire in Early Mesopotamia. *Social Evolution & History* 18(1): 195–216.
- Zakharov A. O. 2019.** State Formation in First Millennium Southeast Asia: A Reappraisal. *Social Evolution & History* 18(1): 217–240.
- Zin'kovskaya I. V. 2004.** The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 3rd International Conference* / Ed. by I. V. Sledzevsky *et al.* (eds.), pp. 84–85. Moscow.